
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«КАК ИНОГДА
БЫВАЕТ ХОРОШО
И СТРАННО ЖИТЬ!»

Издавна люди уважали
Одно старинное звено,
На их написано скрижали:
«Любовь и Жизнь — одно».
Н. Гумилев

Неприметный двухэтажный каменный дом желтого цвета стоит на Приморском шоссе в Зеленогорске. На нем нет никаких памятных табличек. Лишь номер 559/1. И немногие помнят и знают, что в июле 1914 года здесь располагалось кафе-отель «Идеал». В нем останавливался поэт Николай Степанович Гумилев. По лестнице в два марша он поднимался на второй этаж в свой гостиничный номер, точнее, комнату, которую он «снял за рубль».

За окном еще теплились тени белой ночи и окутывали все вокруг. Вечер покрывал бархатом ресницы сосен, еле видная луна одела его в серебро. Он был доволен, что покинул душный Петербург и очутился здесь.

Он вышел на улицу, спустился к морю. Волны облегали прибрежные камни и сохли на еще теплом песке. Можно было отдохнуть от городского рокота, от шумных поэтических бесед, там, на углу 8-й линии Васильевского острова. Там недавно он встречался с Михаилом Лозинским, Владимиром Шилейко. Говорили о литературных баталиях, строили планы на осень...

А здесь, на прибрежном берегу, чайка машет крыльями, балансируя под ветром, и вдруг внезапно падает в волны и поднимается с рыбешкой в клюве. Так и поэт, словно чайка, кружит в текучих волнах будней, ловя ускользящее слово...

Закат. Как змеи, волны гнутся,
Уже без гневных гребешков,
Но не бегут они коснуться
Непобедимых берегов...

Быть может, прежде волн уже родился рокот. Быть может, прежде встреч уж родился соблазн?

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

Среди прибрежных сосен он вдруг услышал звонкий девичий смех, в блеклом свете различил фигуры двух молодых людей и девушки. Приблизившись, узнал поэта Михаила Долинова. Они обнялись. Вместо приветствия, как водится у поэтов, прочитали друг другу свои стихи. Долинов произнес:

...Или в сырой тени боскетов,
С любимой девушкой вдвоем,
Читаем признанных поэтов,
Глядясь в глубокий водоем...

Гумилев, взглянув на его спутницу, не в такт ему ответил:

Любовь их душ родилась возле моря,
В священных рощах девственных наяд,
Чьи песни вечно-радостно звучат,
С напевом струн, с игрою ветра споря...

В этих ответных строках прозвучал какой-то прозорливый намек. Казалось, между Гумилевым и Верой Алперс, так звали девушку, пробежала какая-то вспыхнувшая искра. Казалось, какая-то певучая сила подтолкнула их друг к другу. В прозрачном морском воздухе послышалась легкая нотка флейты, словно льнувшая к скрипичной мелодии Баха, словно журчащий ручей встретился с морской волной.

Михаил Долинов познакомил Гумилева со своими спутниками. Условились встретиться завтра здесь, на берегу, у теннисного корта.

Вернувшись в свою комнату, Гумилев принялся было за неоконченный рассказ о недавних встречах в прибалтийской Либаве. Но не писалось. Отложив рукопись, стал писать письмо Анне Ахматовой в Дарницу: «Милая Аничка, думал получить твое письмо на Царск<осельском> вок<зале>, но не получил. Что, ты забыла меня или тебя уже нет в Деранже? Мне страшно надоела Либавка, и вот я в Териоках. Здесь поблизости Чуковский, Евреинов, Кульбин, Лозинский, но у последнего не сегодня-завтра рождается ребенок. Есть театр, в театре Гибшман, Сладкопевцев, Л. Д. Блок и т. п. Директор театра Мгебров (офицер).

У Чуковского я просидел целый день: он читал мне кусок своей будущей статьи об акмеизме, очень мило и благожелательно. Но ведь это только кусок и, конечно, собака зарыта не в нем! Вчера беседовал с Маковским, долго и бурно. Мы то чуть не целовались, то чуть не дрались. Кажется, однако, что он будет стараться устроить беллетристический отдел и еще разные улучшения. Просил сроку до начала августа. Увидим! Я пишу новое письмо о русской поэзии — Кузмин, Бальмонт, Бородаевский, может быть, кто-нибудь еще. Потом статью об африканском искусстве. „Иру“ бросил. Жду, что запишу стихи. Меланхолия моя, кажется, проходит. Пиши мне, милая Аничка, по адресу Териоки (Финляндия), кофейня „Идеал“, мне. В этой кофейне за рубль в день я снял комнату, правда, не плохую. Значит, жду письма, а пока горячо целую тебя. Твой Коля. Целую ручки Инне Эразмовне»¹.

Утро озолотило солнечным светом стекла домов. Легкий свежий ветерок нес прохладу. Николай Степанович отправился к теннисному корту. Там Михаил Долинов уже играл второй гейм с доктором Шиловым. Вера Алперс сидела на скамье и «болела» за Михаила. Он выиграл первый гейм и вел в счете во втором. Николай Степанович поздоровался с Верой и присел рядом. Стал рассказывать о недавней экспедиции в Африку, об опасных охотах, темнокожих колдунах, крокодилах

¹ Н. Гумилев и А. Ахматова. Статьи. Письма. 1913—1917 // Новый мир. 1986. № 9. С. 221—222.

и львах. Неизвестно, чем он еще ее увлек, но они вдвоем вышли на берег и пошли вдоль моря. Вышли к дому, где он остановился, поднялись на второй этаж...

Позднее об этой встрече Вера Алперс писала в своем дневнике: «Он, конечно, влюблен в меня. И я это чувствовала, Откровенно говоря, я трусила. Я даже посмотрела на задвижки окон... Разговор был очень интересный. В общем, все это довольно гадко. Он мне совершенно не нравится. Конечно, приятно покорить людей хоть на время, только долго возиться с ними неинтересно. Вчера был страшно хороший день. После обеда мне так весело было играть в теннис с Долиновым. Мы, как дети, играли. А когда стемнело, я сидела с доктором у моря. Он очень интересный. Он, пожалуй, лучше всех. Наши все смеялись над моим поведением...»

Семья Владимира Михайловича Алперс (1863–1921) принадлежала к просвещенному дворянству. Библиотека, книги становились неотъемлемой частью жизни членов семьи как что-то живое, как спутники, как друзья. Пушкин, Тютчев, Фет, Полонский, Достоевский, Чехов, Александр Блок... Театр приходил к Алперсам, как «окно» в жизнь. Владимир Михайлович был музыкантом-любителем, выступал в печати с критическими статьями на музыкальные темы, писал музыкальные произведения. Его сочинения знали и слышали П. И. Чайковский и А. К. Глазунов.

Вера Владимировна Алперс (1892–1982) была пианисткой, окончила Санкт-Петербургскую консерваторию, преподавала в школе имени Н. А. Римского-Корсакова и Музыкальном училище при Ленинградской государственной консерватории. Долгие годы дружила с композитором С. С. Прокофьевым.

Борис Владимирович Алперс (1894–1974) был специалистом в области театрального искусства.

Сергей Владимирович Алперс (1896–1931) был пианистом, окончил Петроградскую музыкальную консерваторию. Его игру высоко оценивали лучшие музыканты 20-х годов XX столетия.

Всеволод Владимирович Алперс (1910–1956) был крупным специалистом в области экспериментальной ядерной физики.

Владимир Михайлович Алперс был железнодорожным инженером, работал на строительстве Финляндской железной дороги, и неудивительно, что его семья в 1912 году поселилась на лето в Териоках близ моря в двухэтажном доме, на горе Пето. Вокруг было много зелени, птиц, извилистых прибрежных берегов. Бесконечная морская даль открывалась взгляду, шумели волны, прибой. Однажды на дачу пришла подруга Веры Алперс по консерватории Белка Назарбекова. Пришла с просьбой от режиссера териокского театра Всеволода Эмильевича Мейерхольда, который ставил музыкальный спектакль «Арлекинады» и ему нужны были пианисты. Отец Веры Владимир Михайлович эту просьбу отклонил, ему не хотелось, чтобы его юные дочь и сын Сергей вращались в обществе артистов. На следующий день к Алперсам с аналогичной просьбой пришел директор териокского театра Александр Мгебров. Владимиру Михайловичу пришлось уступить. После этого Вера Алперс почти ежедневно бывала в театре на репетициях и спектаклях, Мейерхольд к ней относился чрезвычайно внимательно, что не всем артистам нравилось. Ей пришлось по душе постановка пьесы «Поклонение кресту» Педро Кальдерона, интересная, выразительная игра Александра Мгеброва, ее увлекли поэтика и театральность испанской барочной драматургии. В драме отразилось все, что так свойственно молодости: неукротимый темперамент, возвышение чувственности над моралью.

Обо всем этом Вера Алперс рассказала Николаю Гумилеву. После первой встречи Николай Гумилев и Вера Алперс стали видеться ежедневно, то на море, то на теннисном корте, то в театре. Сравнивали театр с «прекрасной сказкой», которую слы-

шали и видели в детстве, в большом и уютном доме: «те же голубенькие платья, милые улыбки, реверансы и розовые бантики». Обсуждали постановки териокского «Театра товарищества актеров, писателей, художников и музыкантов», говорили о том, что актера не нужно поучать, а нужно только любить, заставлять трепетать человеческие души и сердца. Вспоминали спектакль «Незнакомка» Блока, который тогда, в театральных кругах, вызвал много шума и разговоров как одна из оригинальнейших постановок. В литературном и театральном мире имена А. Блока, В. Мейерхольда, А. Стриндберга определяли состояние и развитие эпохи модерна.

О теле, о языке тела в то время говорили постановки прибрежных театров, созданных в Териоках, Куоккале. И одной из тем разговоров Николая Гумилева и Веры Алперс была недавняя постановка пьесы Стриндберга «Винновы — невиновны?». Театр в Териоках располагался в большом доме на берегу залива, бывшей даче американского посланника — вилле Лепони. В репертуар териокского театра была включена неизданная пьеса Стриндберга «Винновы — невиновны?», запрещенная в России.. На спектакль приехала дочь Стриндберга — Карин, приехала с мужем — Владимиром Мартыновичем Смирновым, который жил и работал в Стокгольме. На спектакль в Териоки они были приглашены поэтом Владимиром Пястом и прибыли из финского городка Ловисы, где проводили лето, где в свое время творил финский композитор Ян Сибелиус, где переплелись судьбы многих семей из России, Финляндии, Швеции.

О постановке пьесы Стриндберга «Винновы — невиновны?» в териокском театре Карина Смирнова вспоминала: «Мы приехали в Териоки дневным поездом под вечер, и нас сразу окружили любезные, но очень молчаливые и почтительные молодые артисты. Они, видимо, сомневались, выражать ли нам соболезнование по поводу недавней смерти Стриндберга или нет, и потому только бормотали что-то непонятное и пожимали нам руки. Дольше всех с нами оставался Александр Блок, остальные вскоре удалились на дачу, предварительно заверив нас, что Блок — это тот поэт, которым они восхищаются. Вскоре нас провели в зал, где была устроена импровизированная сцена. Там должны были сыграть акты из драмы «Винновы — невиновны?»... все было на русский лад (жена Блока была актрисой, она исполняла главную роль [*Л. Д. Блок играла не главную роль, а жену Мориса — Жанну — А. И.*]). Перед началом представления вступительное слово о Стриндберге произнес Владимир Пяст. Он стоял за столом, покрытым черной бархатной скатертью, свисавшей до самого пола, на столе горели две восковые свечи... Затем было прочитано стихотворение Блока о Стриндберге, и началось представление. Когда оно кончилось, нас подвели к черно-белому, поясному „кубистскому“ портрету Стриндберга с треугольным поясом, четырехугольными щеками и т. п. (художник делал его, как нам показалось, исходя из картины Рихарда Берга). Я сдерживала смех, а Владимир, не находя других слов, из вежливости повторил: „очень интересно, очень интересно!“, а мне было еще труднее сдерживать смех, тем более что нас снова окружили молчаливые артисты, глядевшие на нас в ожидании... нас угощали чаем из самовара. Одна из артисток показала нам места, где нам предстояло спать... Стеснялись и они и мы сами. На следующее утро, очень рано, мы кое-как умылись холодной водой из кувшинов и утерлись своими носовыми платками, — полотенца, висевшие на гвоздях, были несвежие.

Поезд из Петербурга в Гельсингфорс проходил Териоки около восьми утра... Попрощаться с нами никто не явился, ни чаю, ничего: во всем доме тишина. Все спали. И мы просто-напросто отправились на станцию, выпили там наш утренний кофе с булочкой. Пришел поезд, и мы в смущении поехали домой. Общество, в котором

мы оказались, в какой-то, причем немалой степени напоминало группу революционной молодежи из тургеневской „Нови“»².

Николай Гумилев не раз слышал историю о постановке пьесы Стриндберга в театральном театре в несколько ином изложении и считал выбор пьесы и ее постановку смелым шагом молодых петербургских актеров в «театре слова и театре движений». Позднее он с большим интересом редактировал перевод произведений Стриндберга для издательства «Всемирная литература».

При встречах Николая Гумилева с Верой Алперс разговор шел не только на театральные темы. Как-то Гумилев рассказал эпизод о том, как к нему заглянула девушка поразительной, чисто северной красоты, с прядями золотых волос на бледном высоком белом лбу, с большими синими глазами и с необыкновенно тонкими и благородными чертами лица. Посреди комнаты стояло большое колесо-веретено, и ничего, кроме него да еще рыбацких сетей по стенам, в комнате больше не было. Сама же комната, сложенная из свежих, еще пахнувших лесом бревен, словно вся расплывалась в красновато-золотистом свете, струившемся со стороны моря. Они тогда, прислушиваясь к шуму морских волн, сочиняли сказки и стихи, навеянные морским дыханием, воплощали их красками на бумаге...

Вера Алперс слушала все это с осторожностью. Позднее она напишет: «Вчера он говорил, что я должна ему написать письмо. Я была искренне удивлена и, конечно, не подумала ни писать, ни говорить с ним об этом. У него идет вполне определенная игра и намеренность меня завлечь. Но это ему не удастся. Я вижу его программу. И эти книги... стихи...»

Однажды Николай Гумилев пришел к ней, и она играла ему на фортепьяно Гайдна. Семья Алперсов была одаренной, на редкость музыкальной. В их доме часто звучала музыка Римского-Корсакова, симфонии Глазунова, Скрябина. Звучали романсы Владимира Михайловича Алперса, отца Веры.

Николай Гумилев и Вера Алперс проводили время на берегу моря, среди сосен, избегая больших компаний. Позднее она отметит в своем дневнике: «Он говорил, что у меня сила в любви к миру, что у меня большая любовная сила. Какая-то дрожь... Он уступил мне первенство. Не случайно он сказал мне это. И это так... Это сказочно. Такие прогулки, такое время могут быть только с поэтом. Я думаю, как хочу, не по капризу, конечно, а так, как необходимо, он не настаивает. Он говорит, что он сам не может от меня уйти и потому просит меня распоряжаться временем. О! Я, конечно, не могу равнодушно этого слушать! А между тем я, кажется, и это приняла как должное».

Наступил день их последней встречи. Так же, как вчера, на морском берегу шумела публика, колыхался тростник, горланили чайки. Для поэта воздух был насыщен ямбами и рифмами. Но и они вряд ли могли раскрыть глубину сущности душ.

«Вчера Гумилев признался, т. е. объяснился мне в любви, — писала в дневнике Вера Алперс. — Все это ничего, очень приятно, но это было у него, он просил меня дать ему что-нибудь, я была совершенно в его власти... Что меня спасло? Я позволила ему целовать себя... Он думал, что он возьмет меня этим. Что он привяжет меня к себе, что мне это понравится. Он ошибается во мне. Как ошибся тогда с письмом. Вот я зато сразу его поняла. Поняла, что у него программа, поняла, что это гадко. Только почему я отказалась потом от этих предположений. Положим, это понятно. Ведь приятно слушать, когда тебя воспевают, когда говорят о духовной красоте. Поняла и то, что он в меня влюбился. Ему нужно мое тело. (Нет! Я понимала свое положение, что не дала ему пощечины!)... Я не разубедила его, я только говорила, что требовать любви нельзя. Я все-таки не верю ему. Он мне говорил, что он меня

² Смирнова К. Из воспоминаний // Театр. 1993. № 5. С. 58—59.

любит, что он меня чувствует. Холодный он человек все-таки. Хотя я чувствовала его страсть, только она скоро пройдет у него...»³

Это была последняя мирная неделя. Сразу же после возвращения из Териок Николай Гумилев пишет стихотворение «Новорожденному» («Вот голос, томительно звонок...») на рождение сына М. Л. Лозинского. Пишет статью об акмеизме, об африканском искусстве, письмо о русской поэзии, в котором отмечал: «Поэт всегда господин жизни, творящий из нее, как из драгоценного материала, свой образ и подобие. Если она оказывается страшной, мучительной и печальной, значит, такой он ее захотел».

Вера Алперс после отъезда Гумилева писала в своем дневнике: «Я сегодня вспомнила слова Гумилева: „Как иногда бывает хорошо и странно жить!..“ Я вспомнила слова Гумилева на днях, что нужно самому творить жизнь и что тогда она станет чудесной».

После встреч с Гумилевым у Веры Алперс изменились отношения к мужчинам. Это заметили многие, в том числе Мейерхольд, с которым она встретила в Петрограде после возвращения из Териок, и Долинов, с которым она виделась в Летнем саду.

Надвигались серьезные события. Началась Первая мировая война 1914–1918 годов. Н. С. Гумилев поступил добровольцем в Гвардейский запасной кавалерийский полк, затем — в Лейб-гвардии уланский. За участие в боях в Прибалтике и Польше заслужил два Георгиевских креста, был произведен из рядовых в унтер-офицеры. Был ранен. Писал с фронта в Петербург: «Я знаю, смерть не здесь — не в поле боевом. Она, как вор, подстерегает меня негаданно, внезапно. Я ее вижу вдали в скупом и тусклом рассвете, не красной точкою неконченной строки — не подвига восторженным аккордом...»⁴

Впереди оставалось несколько лет борьбы, творчества, любви, жизни. «Надменный, как юноша, лирик», как он сам себя называл, тосковал по Беатриче, искал идеальную женщину, идеальную Музу. Как русский европеец искал в своих африканских, итальянских стихах, в новой поэтической школе, в духовных стихах о войне.

Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

Последние годы жизни Николая Степановича Гумилева сложились трагически. В конце августа 1921 года он был арестован и расстрелян вместе с другими приговоренными по «делу Таганцева».

Члены семьи Алперс принадлежали к той части интеллигенции, в которой жило чувство ответственности и долга перед своим пародом. В суровой исторической битве, в перестраивающемся мире они не хотели и не могли быть только наблюдателями. Они стали участниками, одними из строителей новой социалистической культуры.

Вера Владимировна Алперс пережила ленинградскую блокаду 1941–1944 годов. Она ходила в Автово, в воинскую часть, где служил ее родственник, который сказал ей: «Держись Валентины Ивановны, она тебе поможет». Валентина Ивановна в те годы работала директором Дома пионеров и школьников Московского района, в котором Вера Алперс неоднократно выступала с концертами перед школьниками. Валентина Ивановна помогла ей оформить продуктовые карточки не иждивенца, а ин-

³ РО РНБ. Ф.1201. Д. 79. Л. 188–197.

⁴ Немирович-Данченко В. Рыцарь на час (из воспоминаний о Гумилеве) // Высотский О. Николай Гумилев глазами сына. Воспоминания современников о Н. С. Гумилеве. М., 2004. С. 577.

женерно-технического работника, что позволяло получать ежедневно повышенный паек. В 1943—1944 годах, находясь в осажденном городе, Вера Алперс написала музыку к спектаклю по сказке Гримм, к спектаклю «Справедливый Ахмед», поставленному в детской студии Дома культуры имени Капранова, марш к пьесе «Маленький Мук», музыку к басне Крылова «Квартет». Как и многие ленинградцы, преодолевшие вражескую блокаду, она была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Летом 1945 года она шла по городу и еще и еще раз восхищалась им: «Как он хорош, одни названия как музыка: Чернышев мост, Летний сад, Лебяжья канавка... а как замечателен Александровский парк. Наверно, равного ему нет ни в одной столице мира. Какая красота и какая непринужденность!» Любовь взрастила ее творческую силу, любовь к творчеству, мужчине, миру, родине.

Она, порой, играла те или иные музыкальные произведения и думала, что ее слушает в этот момент Николай Гумилев, или Сергей Прокофьев, или... и ей это было приятно.

В 1964 году она вновь приехала в Териоки (Зеленогорск), остановилась в доме отдыха «Ленинградец». Вновь вспоминала свою юность, поняла, что природа Териок лучше, сильнее и значительнее, чем в Комарове. «Проходя мимо калитки с надписью „Санаторий «Северная Ривьера»“, — писала она в дневнике, — вспоминала Гумилева. Мы встречались с ним всего две недели, но как он повлиял на всю мою дальнейшую жизнь, на отношение к жизни. Как-то приоткрыл дверь, показал мне какие-то новые горизонты и к чувствам, и к духовному развитию и внушил мне уверенность в свои силы, пробудил интерес к самостоятельным действиям. И это несмотря на то, что я вполне еще не доверилась ему...»

Известно изречение: сколько сердец, столько и видов любви. Николай Гумилев был влюбчив, почти в каждой новой компании он находил объект своей симпатии. Повседневная жизнь личности всегда природно-космична, социальна, исторична. Каждый шаг человека (посредством слова, текста, действия) в повседневном пространстве развивает или разрушает его единство. Культурно-антропологический подход к фактам истории литературы помогает понять, что они, факты истории литературы, складываются из динамики повседневной жизни, истории жизнедеятельности творческой личности. Может быть, поэтому современному читателю бывает трудно понять повседневность иной эпохи. Но во все эпохи понять поэта можно, разгадав его любовь, любовь к творчеству, женщине, миру, родине.

Настоящая любовь в жизни у Николая Гумилева была одна. О ней он написал:

Я знаю женщину: молчание,
Усталость горькая от слов,
Живет в таинственном мерцании
Ее расширенных зрачков.

Неслышный и неторопливый,
Так странно плавлен шаг ее.
Назвать нельзя ее красивой,
Но в ней все счастье мое.

Она светла в часы томлений
И держит молнии в руке,
И четки сны ее, как тени
На райском огненном песке.